

Нас разбудил стук в дверь, как это было на протяжении последних десяти лет нашей жизни. Я застонала и осторожно потянулась, когда Гарри убрал свое костлявое колено с моей спины. Нужно быть осторожным, когда два человека теснятся на односпальной кровати. Одно неверное движение - и ты окажешься на полу, что не раз случалось со мной. К счастью, оба мы, дети Поттеров, были худыми и маленькими, иначе ситуация была бы безнадежной.

Гарри переполз через меня и выпрямился, насколько смог, под лестницей, широко зевнув и нащупывая очки. Я свернулся в клубок и застонал, протягивая руку, чтобы поднять сломанную оправу его очков и передать ему. Гарри взял их и подтолкнул меня в плечо.

"Давай, если ты не встанешь, то снова будешь есть холодный куриный суп с лапшой", - пробурчал он. Я издала еще более громкий стон, но все же скатилась с кровати, вытянув руки к небу. Они остановились на полпути вверх, соединившись с лестницей. Я вздохнула и опустила руки, протирая заслезившиеся глаза. Перед глазами возникло расплывчатое изображение тонкой оправы, и я взяла у Гарри свои собственные очки, нацепив их на лицо.

Как и у моего близнеца, у них была тонкая проволочная оправа, но у него она была круглой, а у меня - в виде тонкого прямоугольника. На самом деле, если не считать разного цвета волос и пола, мы могли бы быть одним и тем же человеком. Волосы Гарри были сплошными, глубокого черного цвета, а мои - густые, темно-рыжие. У нас даже была одинаковая косичка, которая делала наши волосы очень грязными.

Я подошла к треснувшему зеркалу, висевшему на стене. Тётя Петуния подарила его нам много лет назад, вероятно, в отчаянной надежде, что мы будем прилагать больше усилий к уходу за волосами, но это не помогло. Гарри просто не мог сдержаться, а мне хватало усилий только на то, чтобы пару раз за утро провести пальцами по своим длинным локонам.

Что на самом деле было довольно сложно. Мои волосы были длиной до пояса. Гарри стригли всякий раз, когда волосы становились длинными, просто потому, что он не должен был выглядеть, как выразился дядя Вернон, "каким-то битником-хиппи, выпрашивающим мелочь". Поскольку я была девочкой, и длинные волосы для меня были приемлемы, я никогда не пользовалась такой роскошью, как стрижка. Очевидно, они были слишком дорогими, и, несмотря на то что мои волосы были достаточно длинными, чтобы мешать, я так и не набралась смелости взять кухонные ножницы и укоротить их.

Я отказалась от надежды сделать волосы аккуратными и просто уложила их так, чтобы большой патрон свисал на левую сторону лица, закрывая его почти полностью. Это приводило в ярость тетю Петунию, но в то же время Дурсли никак не могли понять, что хуже: волосы на лице или шрам в форме буквы S на щеке. Обычно мне это сходило с рук, но время от времени дядя Вернон выходил из себя и заставлял меня убирать волосы назад. Тогда кто-нибудь спрашивал о моем шраме, и мне снова разрешали прикрыть лицо.

Я бросила завистливый взгляд на челку Гарри. Если бы мой шрам был на лбу, жизнь была бы намного проще.

Гарри достал слишком большую толстовку, любезно предоставленную Дадли, и попытался натянуть ее. Его голова и плечи оказались затянуты в излишки ткани, и он зашатался, упав на кровать. Я вздохнул и, воспользовавшись его замешательством, схватил свои собственные огромные джинсы, туго затянув их на бедрах, чтобы они не упали на пол. Я заправила слишком длинный камзол, в котором спала, и застегнула на нем растянутый лавандовый кардиган тети Петунии.

Гарри удалось освободиться от толстовки и надеть ее правильно, и он пытался застегнуть ремень, продираясь сквозь лишнюю ткань, чтобы добраться до пряжки. Я фыркнул, когда ему удалось застегнуть его, и толстовка упала на колени, а рукава свисали через руки.

"Отличный свитер", - проворчал Гарри, и я нахмурилась, сверкнув единственным глазом. Я шлепнула Гарри, проходя мимо, и открыла дверь. Мы выскользнули из шкафа под лестницей, проскользнули на кухню и постарались сделать наш вход достаточно незаметным, чтобы не привлекать внимания.

Тетя Петуния передала Гарри бекон, а затем положила передо мной поваренную книгу и открыла ее на странице с закладкой. На ней был изображен влажный трехслойный шоколадный торт с шоколадной глазурью, шоколадной стружкой, розочками из взбитых сливок и мараскиновой вишней. При одном только взгляде на торт у меня разболелись зубы, а во рту потекло.

Я усмехнулась про себя. Как будто мне разрешат съесть хоть кусочек.

"Мой Даддерс решил, что хочет этот торт на свой день рождения", - шипела на меня тетя Петуния. "Ты его приготовишь, и он будет выглядеть точно так же, как на картинке, или вы оба можете забыть о еде на всю следующую неделю!"

"Да, тетя Петуния", - сказала я, уже просматривая рецепт. Мои глаза расширились от количества сахара в рецепте, но я не должна была удивляться. Дадли любил все, что вредно для здоровья, и чем больше сахара, тем лучше. Это была главная причина, по которой он был размером примерно с молодого косатку.

"Хорошо, - сказала тетя Петуния, отходя от прилавка и полностью сосредоточившись на Дадли, который уплетал стопку блинов, способных накормить небольшую африканскую страну. "Всё будет идеально для особенного дня моего Дадли!" - ворковала она, ласково поглаживая Дадли по щеке. Он отшвырнул мамину руку и, продолжая есть, вздернул подбородок.

"Я хочу открыть свои подарки!" громко объявил Дадли. "И я хочу еще бекона!"

"Конечно, Дадли", - промурлыкала тетя Петуния, но ее маленькие глазки-бусинки смотрели на Гарри, яростно огрызаясь и указывая на тарелку Дадли. Гарри поспешил к столу с беконом, который он только что доел, и положил его на тарелку Дадли. Он поспешил обратно на кухню, шепнув мне, когда проходил мимо: "Ты не видел кучу?"

Нет, не видела. Потому что если бы я посмотрел, то еще больше горько пожалел бы о зубочистках, которые мне подарили на день рождения в прошлом году.

Конечно, когда я обернулся, в углу у камина возвышалась огромная куча. Коробки - некоторые из них были размером с меня - занимали почти всю комнату, громоздясь друг на друга в аккуратных бантах и сверкающей оберточной бумаге. Я с удивлением разглядывал эту груды, пытаюсь прикинуть в уме, что может быть в каждом из подарков и сколько каждый из них стоит.

Я уже дошел до поистине пугающего количества нулей, когда Дадли потребовал: "Сколько их всего?"

"Тридцать шесть. Сам считал", - самодовольно сказал дядя Вернон, как будто его счет до тридцати шести был каким-то большим достижением.

"Тридцать шесть?" ныл Дадли. "Но в прошлом году их было тридцать семь!"

Тетя Петунья обладала каким-то шестым чувством. Меня бы это даже впечатлило, если бы его необходимость не была совершенно глупой. Она могла определить, когда Дадли собирался устроить истерику, и вступить в игру, сказав как раз то, что нужно.

"Да, но вот что мы сделаем", - сказала она, опускаясь на колени рядом с креслом Дадли. "Когда мы пойдем в гости, мы купим тебе два новых подарка, разве это не прекрасно?"

Дадли скривил лицо. "Тогда у меня будет тридцать... тридцать..."

"Тридцать восемь", - не задумываясь, добавил я. Дадли обернулся и уставился на меня своими маленькими пороссячьими глазками.

"Кто тебя спрашивал?" - потребовал он. Я быстро сделал вид, что поглощен оттиранием сковороды для завтрака, зная, что лучше не разговаривать с Дадли. Это всегда заканчивалось тем, что я приклеивал очки обратно и пробирался ночью к шкафу, чтобы приложить лед к синякам. Кроме того, у нас заканчивалась пленка.

"Малыш хочет получить свои деньги!" с гордостью объявил дядя Вернон. "Прямо как его отец! Молодец, Дадли!"

Тетя Петунья сбежала, когда зазвонил телефон, и выскочила в коридор, чтобы ответить на звонок. Я попытался прижаться к дверному проему, наострив уши, чтобы прислушаться. Дядя Вернон увидел и бросил на меня грязный взгляд. Я поспешно отползла к раковине, где Гарри занялся мытьем посуды, и взялась за тряпку, вытирая сковородки.

"Так ты сможешь приготовить торт?" тихо прошептал мне Гарри. Я кивнула, набрала тряпку в тонкий стакан, вытерла его изнутри и отложила в сторону.

"Ничего сложного, разве что украсить", - ответила я. Гарри покачал головой.

"Не понимаю, почему они доверяют выпечку тебе, а не мне".

"Наверное, потому, что я никогда не поджигала тостер", - сказала я.

Я до сих пор отчетливо помню тот случай, когда Гарри попытался испечь нам поп-таргс в полночь, чтобы отпраздновать наш день рождения в один год. Он положил их в тостер. Начинка вытекла и загорелась. Не стоит и говорить, что, когда зазвонила пожарная сигнализация и Дадли спустились вниз, чтобы застать нас, судорожно пытающихся потушить тостер, они были не в восторге. Дядя Вернон кричал на нас до часу ночи, а потом запер нас в чулане без еды на три дня.

Гарри стряхнул на меня несколько пузырьков, и я вытер их, бросив на него совершенно не впечатляющий взгляд.

"Один раз", - проворчал Гарри в раковину.

Тетя Петуния вернулась на кухню, выглядя немного неустойчивой на ногах.

"Кто это был?" спросил дядя Вернон, подняв глаза от своей газеты.

"Миссис Фигг", - слабо начала тетя Петуния. "Она сломала ногу. Она... она говорит, что не может их взять".

Мы с Гарри замерли, едва осмеливаясь дышать. Мы одновременно наострили уши, чтобы прислушаться, и опустили головы, чтобы не выглядеть обнадеженными. Это был верный способ разрушить наши мечты. Что угодно было бы лучше, чем поход к миссис Фигг. Она была довольно милой, но можно было рассказать столько историй о своих кошках, что становилось немного грустно.

"Что?" Дадли был явно на грани взрыва, его широкое лицо покраснело от гнева. "Они не могут прийти!" - завопил он.

"Мы можем оставить их дома", - попыталась тетя Петуния.

"Я не оставлю их дома одних", - резко сказал дядя Вернон. "Мы вернемся во взорванный дом".

"Мы не будем взрывать дом!" возмущенно пробормотал Гарри.

"Может ли день рождения Дадли стать для нас удачным днем?" задался я вопросом, потрясенный самой идеей. День рождения Дадли обычно означал, что он может делать с нами все, что захочет, а это обычно означало битье.

"Скрестим пальцы", - сказал Гарри, вынимая одну руку из мыльной воды и показывая скрещенные пальцы. Я сделал то же самое.

"Они не могут прийти, они испортят мне день рождения!" причитал Дадли, подбородок его подрагивал, грозясь разрыдаться. Руки тётки Петунии беспомощно затрепетали, когда она пыталась сообразить, что делать.

"Нет, Даддерс, они этого не сделают!" - успокаивающе произнесла она. "Мы им не позволим!"

Каким-то странным образом, по воле благосклонного бога, всего лишь час спустя мы с Гарри оказались зажатыми на заднем сиденье машины Дурслей. Несмотря на все протесты Дадли, который кричал во все горло, громко плакал и беспорядочно размахивал руками, пока тетя Петуния судорожно искала, кто бы за нами присмотрел, сделать ничего было нельзя. К счастью, он замолчал, когда появился его друг Пирс, но теперь он стал с ненавистью смотреть на нас каждые несколько секунд.

Задняя часть машины Дурслей не была рассчитана на четырех человек, особенно если один из них был размером с Дадли. Дадли в одиночку занял половину заднего сиденья, да и Пирс был не лыком шит. В итоге Гарри оказался прижат к двери, а я сидела у него на коленях, с трудом переводя дыхание.

"Ты в порядке?" прошептала я, переместившись к нему на колени и стараясь снять с него как можно больше веса. Мой голос вызвал еще одну серию взглядов со стороны Дадли. Если бы тетя Петуния не наблюдала за ними с Гарри краем глаза, я бы скорчила мальчику рожицу, но я не собиралась портить, возможно, лучший день, который был у нас с Гарри за... ну, в общем, навсегда.

"Я в порядке", - заверил меня Гарри, хотя выглядел он немного помятым. Я еще раз переместилась, упершись рукой в дверь, а ногой - в половицу.

"Мотоциклы", - ворчал дядя Вернон с переднего сиденья, когда один из них пронесся мимо них. "Везде виляют... шумят... хулиганы... нарушают покой".

"Однажды мне приснился мотоцикл", - вспомнил Гарри, не задумываясь. "Он летал".

Дядя Вернон чуть не разбил машину. Мне пришлось вцепиться в Гарри, чтобы не сползти по

заднему сиденью на колени Дадли. Он обернулся и уставился на потрясенного Гарри, лицо которого приобрело тревожный оттенок синего.

"Мотоциклы! Не надо! Не летайте!" - прорычал он. На сиденье рядом со мной захихикал Пирс. Тетя Петуния отвлеклась, судорожно разворачивая мужа так, чтобы он смотрел на дорогу, а я умудрилась просунуть ногу через половицу и топнуть каблуком по ноге Пирса. Мальчик зашипел и оскалился.

"Ты за это заплатишь", - проворчал он. В ответ я высунул язык.

"Я знаю, что они не платят!" возмущенно сказал Гарри. "Это был всего лишь сон!"

В остальном поездка в зоопарк была довольно спокойной. Казалось, никто не хотел разговаривать, все мы страдали от раздражения Дурслей, направленного на нас. Мы с Гарри держали язык за зубами, чтобы снова не вывести дядю Вернона из себя. Еще немного, и он мог бы оставить нас в машине, пока они с тетей Петунией забирали мальчиков.

<http://tl.rulate.ru/book/48340/3583960>